

ЧЕРНИЛЬНИЦА • ЧЕРНИЛЬНИЦА • ЧЕРНИЛЬНИЦА • ЧЕРНИЛЬНИЦА • ЧЕРНИЛЬНИЦА

«НАДО ЕСТЬ МЯСО, А НЕ УКРОПЧИК», — рекомендует писатель Юрий ПОЛЯКОВ

Юрий Поляков — один из немногих писателей, чья популярность ни разу не захромала с самого начала творческого пути.

«Перестроечные» повести «Сто дней до приказа», «Апофегей», «Парижская любовь Кости Гуманкова» за последние десять лет неоднократно переиздавались. Не так давно вышел трехтомник, включивший в себя, видимо, все, написанное Юрием Поляковым на момент выхода издания в свет: от диссертации, стихов и записных книжек писателя до «Козленка в молоке», самой известной вещи автора.

Читатель «предан» Полякову, а вот критики его не слишком балуют. В чем тут дело? На этот и другие вопросы и попытался получить ответ специальный корреспондент «КО», беседа с писателем.

Кн. обозрение. — 1999. — 19 июля. — с. 17

— Юрий Михайлович, последние годы вы много печаетесь в издательстве «ОЛМА-Пресс». Как правило, издательства «разбирают» популярных много пишущих писателей — «перебежчиков» или «двурушников» практически не бывает. Как вы думаете, по какому принципу происходят такие объединения издателя и писателя — это слепой случай, политкорректность или эстетические критерии (ведь авторы «подбиваются» в серии, а одна серия — на один вкус)?

— Действительно, есть издательства, которые подбирают авторов исключительно по политическим, направленным мотивам. Например, реалист-почвенник, даже гениальный, вряд ли когда-нибудь будет издан «ВАГРИУСом». С другой стороны, постмодернизм даже в глубоком подпитии не забредет в «Современник». Ну и пусть это так, лишь бы понимали, что без серьезных проектов, без настоящей современной литературы издательство превращается в макаронную фабрику, которая тянет из года в год одну единственную бесконечную детективно-эротическую макаронинку. И великое искусство книги здесь совершенно ни при чем.

Я действительно очень плотно сотрудничаю с «ОЛМА-Пресс», но мои книги выходят и в других издательствах. Например, «Детская литература» выпускает в «Школьной библиотеке» мои повести, включенные в школьную программу, — «Сто дней до приказа» и «Работа над ошибками». Я веду переговоры с «Художественной литературой» о выпуске моего пятитомного собрания сочинений. А свой новый роман «Замыслил я побег...» я отдал издательству «Молодая гвардия», где почти двадцать лет назад вышла моя первая книжечка стихов. Но сначала роман в сокращении выйдет в журнале «Москва».

— Поговорим о вашем новом романе. Критика определяет ваш стиль как «гротескный реализм», который особенно ярко выразился в «Козленке в молоке» и «Небе падших». Новый роман продолжает ту же линию?

— И да, и нет. Повесть «Небо падших» — это своего рода спор с теми, кто рассказ о нашей нынешней подлой, криминализованной, полной кровавых курьезов жизни вывел за рамки литературы, превратив в чистую коммерцию, лишенное стиля чтиво. Мне же хотелось написать о мире «новых русских», которые еще несколько лет назад были обычными советскими юношами, серьезную литературу. Но такую, чтобы она читалась с не меньшим, зато более глубоким, духовным интересом. И в течение четырех месяцев книга вышла тремя изданиями, была даже лидером продаж. Так что, мне кажется, спор я выиграл. Сергей Снежкин, поставивший в свое время нашумевший фильм «ЧП районного масштаба», хочет снять по «Небу падших» фильм. Ведем переговоры, ищем деньги.

А новый роман «Замыслил я побег...» написан в той же манере «гротескного

реализма». В нем тоже работает принцип «преувеличения недолжного», в нем тоже комическое и трагическое завязаны в один прихотливый узел. Но это — семейный роман, если хотите — сага.

— Как правило, серьезный «семейный роман» — это страницы истории не только семьи, но и страны, в которой эта семья живет. Когда читаешь «Сагу о Форсайтах», понимаешь, почему рухнула Британская империя...

— Именно! Понять, почему рухнула Российская империя, можно, читая «Тихий Дон». И понять по-настоящему, почему рухнула Советская империя, можно тоже только с помощью литературы.

— И в своем романе вы замахнулись на объяснение...

— Да, я попытался написать такую книгу. Я подхватываю своих героев в середине семидесятых и провожу их сквозь все неудобные времена, сквозь застой, перестройку, ельцинизм... Я писал этот роман три года. Кто-то улыбнется над моим заманом, но ведь писатель и должен ставить перед собой сверхзадачи. Даже если в процессе работы «сверх» отпадет, все равно его отблеск останется в тексте. А это уже немало! Судьба писателя, не ставшего перед собой сверхзадачи, жалка. Его удел — изнывать от самоповторений, заглядывать в глаза критикам, молить издателей об авансе и завязывать шнурки на ботинках заезжих грантодателей...

— А как, на ваш взгляд, обстоит дело со сверхзадачами у других писателей в нашей текущей литературе?

— Они появляются. На мой взгляд, отечественная литература возвращается на круги своя. Сегодня уже мало тщательно описывать фекальную сторону бытия или рифмованно издеваться над Павлом Морозовым, чтобы считаться соответственно прозаиком или поэтом. Приводы в милицию и прочие нелады с советскими законами тоже уже не гарантируют почетное место на российском Парнасе. Словесный эксперимент, оторванный от серьезной художественно-мировоззренческой цели, интересен ныне разве какому-нибудь провинциальному русисту из медвежьего зарубежного угла. И то в основном лишь потому, что он, русист, увлекался подобными словесными экспериментами, переходя с третьей ступени изучения русского языка на четвертую. Честно говоря, мне жаль этих людей, забежавших в великую русскую литературу с дохлыми крысами на веревочках. Они растеряны, они нервничают, объясняют критикам и читателям, какие у них замечательные крысы. Но критики уже хотят новых поводов для демонстрации своего университетского образования. А читатели хотят литературы.

И они ее получают. Да, одни суеуслились вокруг странных букеров-антибукеров и не менее странных пушкинских премий немецкого происхождения, а другие бегали, показывая всем щеку, потрепанную Бродским, или вихор, поглаженный Солженицыным. Но третьи тем временем сидели и писали, пытались понять наше

безумное время. Именно их книги оказались сегодня востребованы. Они издаются — и они читаются.

— Вы так скупко охарактеризовали «третьих» — назовите кого-нибудь из них.

— Пожалуйста: Юрий Козлов, Тимур Зулфикаров, Михаил Попов, Татьяна Набатникова, Виктор Пелевин — кстати, этот писатель мне интересен.

— Помнится, вы когда-то назвали постмодернизм укропчиком, которым посыпано мясо. «А мясо — это реализм», — сказали вы, — и есть надо мясо, а не укропчик.

— Верно. Постмодернизм бывает разный. Я сам сейчас работаю над постмодернистской вещью — «Гипсовый трубач». Я давно хотел написать постмодернистский роман, но такой, чтобы читатель не засыпал на второй странице, чтобы он чувствовал себя Читателем, а не подопытным кроликом и не тонул в интертексте, как в выгребной дачной яме...

— Вы много пишете — заточились, наверное, «в обители трудов и чистых нег»...

— Да нет, кроме творчества — работы очень много. Я как консультант принимал участие в разработке серии современной прозы «Имена» в «ОЛМА-Пресс», вот буду редактировать толстый альманах «Новая русская словесность», который планирует выпускать это же издательство. В нем сможет печататься литературная молодежь, лишенная, к сожалению, того внимания, порой строгого, которым было окружено мое литературное поколение, — журнал «Юность», например, уничтожен группой энергичных пенсионеров.

Недавно состоялось значительное событие литературной жизни — «ОЛМА-Пресс» выпустило огромный том «Русская поэзия XX века». Это почти тысяча страниц, около 750 имен. И мне приятно сообщить, что с проектом этой антологии почти три года назад в издательство пришел я. Я очень рад, что этот мой проект осуществился в год Пушкина, которому мы и посвятили антологию.

— Конец века — время антологии — вон сколько их выходит. Чем же отличается ваша?

— По этой книге, надеюсь, будут судить о русской поэзии всего века, как мы судим о поэзии первой четверти XX столетия по знаменитой антологии Ежова и Шамурина.

— Да чем же она хороша? По какому принципу составляли — количественному или качественному?

— Любый поэт любого направления, заявивший о себе в отечественной поэзии, нашел в антологии свое место. Труд был тяжелый, и, вполне возможно, кто-то достойный пропущен. Сейчас мы как раз собираем замечания и рекомендации, и в переиздании все эти досадные промахи будут учтены.

— Мне почему-то кажется, что когда антологий много, они в литературном процессе подобны затонувшим кораб-

лям — все знают, что есть у нас что-то значительное — «Титаник», антология — а никто не пользуется, и лежит все это на дне.

— Глубоко заблуждаетесь. Когда в эпоху исторических сломов литературный процесс теснее, чем обычно, переплетается с политическим процессом, наступает период вопиющей эстетической несправедливости. Вспомните, как Есенина бесил Демьян Бедный. Когда крупнейший русский поэт XX века Владимир Соколов умирает в полузабвении, а полубездарный стихотворец, своевременно сменивший коммунистическую риторику на антикоммунистическую, не вылезает из телевизора, — это ненормально. В эпоху ревуших информационных сквозняков задуть свечу подлинной поэзии не так уж сложно. И, наоборот, можно до яркого, якобы поэтического пламени раздуть шашлычные угли. Этим занимается, в частности, телевидение. И вот тут-то выручает честно, объективно, научно составленная антология.

— Вы, кстати, всегда переиздавались. Вы (стучу по дереву) никогда не страдали от политического режима — если только режим от вас (от вашего сатирического пера). Диссидентом вы никогда не были, работали в райкоме комсомола и не только этого сейчас не скрываете — стихи публикуете, посвященные райкому, и сами над собой иронизируете (эпизодический лидер писательского комсомола из «Козленка в молоке», без сомнения, вы и есть). Конформистом вас не назовешь — вроде как был у вас кукиш в кармане — «непроходные» вещи в столе; а теперь и не в кармане. Что же, люди, партии не служившие, диссиденты, люди, страдавшие за правду или свое представление о ней, — глупо поступали? Как сказал кто-то: «Мученикам за веру просто не хватает чувства юмора». Вам-то хватает?

— У меня сложное отношение к диссидентам. Сам я, несмотря на многочисленные предложения, свои «непроходные» в ту пору повести за рубеж не отдал. Я считаю, что критиковать собственную страну нужно изнутри, а не снаружи. Я уважаю тех диссидентов, которые остались диссидентами и сегодня, — Зиновьева, Солженицына, покойных Максимова и Синявского. А диссидентский пыл, который гасится орденом, врученным дрожащей рукой президента, мне не понятен.

— Хорошо, в заключение разговора вернемся к антологии. Ведь есть же претензия на литературный «проект века»? Вы прозаик — и вдруг такой глобальный поэтический проект?

— Ну, во-первых, поскреби прозаика — найдешь поэта. Мне достаточно прочесть абзац у какого-нибудь прозаика, чтобы понять, писал ли он стихи. Совершенно иное отношение к слову — трепетное. А что касается глобальности проекта, повторюсь: писатель должен ставить перед собой сверхзадачи и в жизни!

Беседовала
Надежда ГОРЛОВА

Поляков Юрий

19.7.99